

НОВОЕ СЛОВО В ФИЛОЛОГИИ

ИННОВАЦИИ И ПРАГМАТИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В.Н. МИГИРИНА

БОРТЭ Лариса, доктор хабилизат филологии профессор
(Бэлцкий госуниверситет)

25 лет нет с нами профессора Виктора Николаевича Мигирина. Но его научные открытия до сих пор поражают своей необычностью по сравнению с тем, что составляло наши базовые филологические знания, обоснованностью, какая свойственна обычно точным наукам. Ученый, кардинально изменивший бытовавшие представления о природе языка, его системе, предназначенности, отличался высокой интенсивностью исследовательской мысли. Только за последние 10 лет своей жизни он создает 5 монографических исследований – каждое объемом от 150 до 300 типографских страниц. Все работы – этап в его научно-исследовательской деятельности и языкознании в целом. Это наблюдалось в те годы, когда публикации, особенно монографического характера, были далеко не частотным явлением в научной сфере.

Мы гордимся тем, что большинство научных открытий, представленных в опубликованных монографиях, приходится на бэльцкий период его жизни. Эти годы творческой деятельности Виктора Николаевича можно назвать, применяя известные аналогии, например, по творчеству А.С. Пушкина, "болдинским периодом", настолько он оказался плодотворным.

Невозможно даже в значительной по объему работе перечислить те новые положения, которые выдвинул В.Н. Мигирин в отношении понимания природы языка в целом и каждого из его уровней. Выделим лишь некоторые из них.

Исходя из того, что теория должна быть единым целым, а не просто суммой отдельных наблюдений, пусть даже их назовут открытиями, проф. Мигирин создает новый тип учения о языке, который он по аналогии с философским пониманием способности объектов окружающего мира быть отраженными в сознании человека, его речевой деятельности и математическим принципом отображения (между классами референтов и классами отображающих их знаков должно быть соответствие) назвал отображающей грамматикой.

Главный исследовательский принцип отображающей грамматики – в изучении языковых явлений необходимо идти от категории к знаку, от содержания к форме. Иной путь приводит к неадекватным

толкованиям. Ведь язык – "знаково репрезентируемая общенародная сегментация действительности" [1, с.236]. Проф. Мигирин выделял следующие основные типы сегментации действительности: философский, логический, специально-научный (математический, биологический и т.д.), религиозно-мифологический и языковой [1, с.106]. При описании специфики языковой сегментации мира исследуется категориально-знаковая структура языка. Следовательно, термин "грамматика" следует толковать как строй языка в целом (ср. ломоносовское понимание грамматики, куда он включал и фонетику и лексику, такова академическая традиция описания языковых явлений).

Строгая модель отображающей грамматики представлена в монографиях В. Мигирин: "Язык как система категорий отображения" (Кишинев, 1973), "Методология и лингвистика" (Кишинев, 1974), "Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики" (Кишинев, 1978) и изданная после кончины В. Мигирин – "Грамматика, логика, философия в их связях и взаимодействиях" (Кишинев, 2002).

Критический пересмотр раскрытия специфики языковых явлений у проф. Мигирин относился не только к тем теориям, которые считаются традиционными за давностью их изложения, например, в XIX веке, но и к тем, которые признаны открытием, перевернувшим прежние лингвистические воззрения, как учение о фонеме с соответственно выделенным новым разделом в языкознании – фонологией (XX век). Фонема была квалифицирована как различитель звуковой оболочки слов, форм. В. Мигирин убедительно показал, что различительную функцию в языковых знаках выполняют не фонемы, а их сочетания (ср. дом – том: не отдельно "д", "т" различают слова, лишь в сочетании звуки дают представление о слове). Следовательно, материальная общность звуков, объединяемых в фонему, первична, а их функциональное тождество вторично [2, с.31].

Как ученый стремительной творческой эволюции, проф. В. Мигирин затем скорректировал свое фонетическое учение. Так, уже в монографии 1978 года, в главе "Гносеологические проблемы фонологии", он утверждает: от понятия фонемы следует отказаться, ориентируясь на восприятие, речевую деятельность носителей языка. А в их представлении существуют звуки – аллофоны, звукотипы [3]. Выделяются не фонемы, а функции звукотипов. Современная же фонология усложнила научный аппарат, создавая еще дополнительные термины: "архифонема", "гиперфонема", "сильная и слабая фонемы", которые не отра-

жают никаких реальных фонетических единиц. "Существует только наука о звуках языка и их функциональных особенностях" [3, с.59], если учитывать главное – опыт самих носителей языка.

Классификации языковых единиц разных уровней, предложенные В.Н. Мигириным, обладают прогнозирующей силой, являясь поистине эвристическими. Он разработал принципы построения подобных классификаций с учетом динамики языковой системы, развивающейся неравномерно, с разной степенью частотности единиц. Такова классификация местоимений русского языка, которым в свое время В.В. Виноградов предсказывал отмирание. В таблице–классификации местоимений В. Мигирин прогнозируется развитие их разрядов [2, с.219-223]. Здесь четко разграничиваются семантические и грамматические признаки, дается новая интерпретация значения корней местоимений, выделяются новые разряды местоимений типа эмоциональных (нивесть-что), взаимных (друг друга), указательно-неопределенных (так-то, такой-то), а традиционные семантические разряды, где смешаны семантика и грамматические функции, получают новые наименования: коммуникативно-относительные, но не личные, потому что они представляют не сами лица, а их роль в процессе речевого общения, отрицательно- и утвердительно-обобщительные (а не отрицательные и определительные), они находятся в антонимических отношениях (никто – любой, ничто – всё). Очень важно, что в таблице есть пустые клетки на пересечении лексико-семантического и грамматического разрядов. Они предполагают появление в языке соответствующих местоимений (ср. таблицу Д. Менделеева). Действительно, наши наблюдения показали, что подобные местоименные слова уже функционируют в речи. Например: отрицательно-обобщительное с грамматическим значением наречия условия в функции обстоятельства – "иначе" (= в противном случае) или в функции уступительности – "несмотря ни на что", утвердительно-обобщительное в функции причины – "по всему" и др.

Выдвижение на первый план прагматической ценности теории подсказало проф. В. Мигирину идею о пересмотре проблемы вида глагола, которой занимались крупные филологи на протяжении двух веков и в которой он увидел "неиспользованные возможности методики исследования и неточность ряда исходных теоретических положений" [2, с.141]. Подвергнув подробному критическому анализу существующие взгляды на глагольный вид [2, с.141-151], В. Мигирин доказал, насколько усложнена теория глагольного вида как специфич-

ческого признака славянских языков, из-за чего носители других языков практически не в состоянии освоить подобные формы. Новую концепцию он развил на многих языковых фактах [2, с. 151-179], показав, что вид глагола – это не категория этой части речи, а ее форма. Как форма (напр., словообразовательные аффиксы) это, действительно, особенность, в частности, русского языка, но выражаемое ею грамматическое содержание присутствует и в других языках, где оно представлено лишь в других формах. Само же содержание – грамматическая категория – связано с количественной характеристикой действия-процесса и отражает взаимный порядок, меру и исчисление действия. Новое представление этой грамматической категории, безусловно, облегчит преподавание русского языка как иностранного, потому что появляется "возможность сравнивать системы категорий" языков, а не "названия для знаков" [4, с.29], каким и было учение о видах русского глагола.

Заслуга В. Мигирова и в том, что он увидел массу избыточных филологических терминов, особенно в учебной литературе, где создаются наименования и для содержания (категорий) и для знаков (форм). Зачем, например, употреблять термины – существительное, прилагательное, глагол, наречие, а затем утверждать, что на самом деле здесь представлены предметы, признаки предметов, процессы, признаки процессов? Это касается наименований всех частей речи, членов предложения и практически всего терминологического аппарата традиционных грамматик.

Мигиров утверждает: только опираясь на данные других наук, в частности, точных, где имеются такие же категории и где они названы по содержанию, а не по различным формальным проявлениям, можно перестроить грамматику, сделав ее точной наукой. С этой же целью он использовал ряд методов в исследовании языковых явлений, заимствовав их из арсенала других наук – субституцию, трансформацию, элиминацию и др. Основным же способом определения языковых категорий В. Мигиров считал метод дифференциальных признаков. Дефиниция, по Мигирову, должна указывать на существенные особенности объекта [1, с.71]. Итак, заметив избыточность применяемого в филологии терминологического аппарата и многочисленные нарушения правил классификации явлений, особенно в учебной литературе, проф. В. Мигиров разработал новый тип учения о языке, доказательно продемонстрировал перспективы применения новой теории в преподавании филологии в вузе и школе.

В.Н. Мигирин был генератором идей, и наша задача – научиться эффективно использовать их как в теории, так и в прикладной сфере филологии.

Литература

1. В.Н. Мигирин. Грамматика, логика, философия в их связях и взаимодействиях. – Кишинев, 2002.
2. В.Н. Мигирин. Язык как система категорий отображения. – Кишинев: Штиинца, 1973.
3. В.Н. Мигирин. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. – Кишинев: Штиинца, 1978.
4. В.Н. Мигирин. Совершенствование науки о языке и ее преподавания на основе теории отражения и принципов оптимизации информацииогенеза// "Изучение языкового строя в свете теории отражения". – Кишинев: Штиинца, 1984.